ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

CC BY

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 340.15

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-9-19

EDN: CTCFNA

Судебный процесс по делу В.В. Макеева: законодательная регламентация и особенности его проведения

А.А. Аганов ✉, **О.А. Елдинов**
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ aganoff.a@yandex.ru

Аннотация
Введение. Актуальность исследования заключается во введении в научный оборот новых историко-правовых источников, позволяющих пролить свет на формирование юридических подходов советской власти в отношении «бывших людей». Существующая научная проблема предполагает исследование истории развития судебно-правовой системы в 1920-е гг. на Дону на примере конкретного дела В.В. Макеева. Ее значимость в повестке современных научных исследований состоит в возможности влияния классовой теории права на советское правосудие. Сохраняется нерешенная проблема политической ангажированности советского судопроизводства 1920-х гг. Цель исследования – проанализировать неопубликованные архивные документы и выявить особенности проведения судебного политического процесса над В.В. Макеевым, который проходил в Ростове-на-Дону с 28 по 31 декабря 1925 г.
Материалы и методы. Источниковую базу настоящего исследования составили архивные документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), а также различные нормативные правовые акты, регулирующие уголовно-процессуальные отношения в СССР в 1920-х гг. В процессе исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы, в частности, сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический) и метод контент-анализа.
Результаты исследования. Осуществлена концептуализация классовой теории права. Выявлено влияние марксистских представлений на уголовное судопроизводство исследуемого периода. Проведен анализ судебного процесса над В.В. Макеевым, который проходил в Ростове-на-Дону с 28 по 31 декабря 1925 г., и дана оценка процессу с точки зрения действовавших на тот момент нормативных правовых актов и влияния политической идеологии на судебную систему. Установлено, что судебный процесс над В.В. Макеевым был приурочен к 20-летнему юбилею вооруженного восстания рабочих в декабре 1905 г. в Ростове-на-Дону и носил политический характер. Относясь к Макееву как к классовому врагу, прокурор и общественный обвинитель руководствовались не юридическими нормами и требовали для обвиняемого вынесения смертного приговора. В результате лишь благодаря адвокату М.А. Ашману суд приговорил обвиняемого к 5 годам лишения свободы.
Обсуждение и заключение. Проведенное исследование представляется значимым для российской юридической науки, поскольку вводит в оборот новые кейсы, расширяющие представление об истории государства и права СССР. Предлагается акцентировать внимание на особенностях судебного процесса в 1920 гг. Результаты проделанной работы могут выступать в качестве отправной точки по исследованию отношения советского правосудия к «бывшим людям». Данное исследование дает возможность рассмотреть применение презумпции виновности при использовании в судопроизводстве классового подхода.

Ключевые слова: историческая память, В.В. Макеев, классовый подход к праву, революция, Ростов-на-Дону, советское право, судебный процесс, уголовный кодекс, «бывшие люди»

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

© Аганов А.А., Елдинов О.А., 2026

Для цитирования. Аганов А.А., Елдинов О.А. Судебный процесс по делу В.В. Макеева: законодательная регламентация и особенности его проведения. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2026;4(1):9–19. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-9-19

Original Empirical Research

V.V. Makeev's Trial: Legislative Regulation and Features of Conducting

Andrey A. Aganov, **Oleg A. Eldinov**
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ aganoff.a@yandex.ru

Abstract
Introduction. The relevance of the research lies in the introduction into the academic discourse of the new historical and legal sources that elucidate formation of the juridical approaches of the Soviet government in relation to "former people". It is envisaged to investigate the existing scientific problem of the history of development of the judicial and legal system in the Don region in the 1920s on the example of a definite case of V.V. Makeev. In the context of contemporary research, studying the possibility of Class Theory influence on the Soviet justice is important. Political bias in the Soviet court proceedings of the 1920s remains an issue that needs further research. The aim of the present study is to analyse the unpublished archival documents and identify the specific features of conducting the political trial over V.V. Makeev, which took place in Rostov-on-Don on December 28 – 31, 1925.
Materials and Methods. The research sources included the archival documents stored at the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO), and various legal acts governing the criminal procedural relationships in the USSR in the 1920s. General scientific and specific scientific methods were used in the research, including comparative historical, historical legal, legalistic (dogmatic legal), and content analysis methods.
Results. The article has conceptualised implementation of Class Theory in law. The influence of the Marxist ideas on the criminal court proceedings of the studied period has been revealed. The trial over V.V. Makeev, which took place in Rostov-on-Don on December 28 – 31, 1925, has been analysed and assessed with regard to the acting legal regulation of that time, and the influence of political ideology on the judicial system. It has been established that the trial over V.V. Makeev was dedicated to the 20th anniversary of the armed insurrection of workers of December 1905 in Rostov-on-Don, and was political in nature. The prosecutor and the social accuser treated Makeev as a class enemy, therefore were guided not by the legal norms when demanding the death penalty for the accused. It was only due to the efforts of the lawyer M.A. Ashman that the court eventually sentenced the accused to five years of imprisonment.
Discussion and Conclusion. The present study is important for the Russian juridical science, as it expands an understanding of the USSR history of state and law through introduction into the academic discourse of the new cases. It focuses on the features of the trial conducted in the 1920s. The results obtained can serve a starting point for the research into the attitude of the Soviet justice towards "former people". The present study provides an opportunity to investigate the execution of the presumption of guilt in the frame of application of Class Theory approach to court proceedings.

Keywords: historical memory, V.V. Makeev, Class Theory approach to law, revolution, Rostov-on-Don, Soviet law, trial, criminal code, "former people"

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Aganov AA, Eldinov OA. V.V. Makeev's Trial: Legislative Regulation and Features of Conducting. *Legal Order and Legal Values.* 2026;4(1):9–19. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-9-19

Введение. Классовый принцип доминировал и определял правовую систему в 1920-е гг.: считалось, что именно классовая принадлежность будет определять правовое поведение граждан. Для понимания проблемы классовости права необходимо обратиться к ключевым теоретикам раннесоветского права. Огромное значение в формировании классового подхода сыграл П.И. Стучка. Ключевыми принципами права становятся по Стучке: во-первых, классовый характер права; во-вторых, революционно-диалектический метод (вместо принципов формальной логики); в-третьих, материальные общественные отношения как основа для объяснения и понимания правовой надстройки (вместо объяснения правовых отношений из закона или правовых идей). При этом советское право он характеризовал как «пролетарское» [1, с. 70].

Представления о классовом характере права нашли свое отражение в общем определении права, данном в официальном акте НКЮ РСФСР (декабрь 1919 г.) «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»[1]. С этих пролетарских позиций даже советский Гражданский кодекс периода нэпа Стучка характеризовал как «буржуазный кодекс». «Советское уголовное право имеет задачей – посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» [2, с. 154].

Классовый подход позволял правовые признаки субъекта и юридическую ответственность признавать за целой классовой общностью. Иначе классовый подход к праву был описан в работах Е.Б. Пашуканиса в книге 1924 г. «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий» [3], где автор говорит, что право – это буржуазное явление, и после буржуазного права невозможен какой-либо новый тип права, какое-то новое, послебуржуазное право. С этих позиций он отвергал возможность «пролетарского права».

Статьи, направленные против «бывших» чиновников, полицейских и активных деятелей царского режима были заметной частью УК РСФСР 1922 года[2]. Участие в восстановлении или в способствовании восстановлению организаций или должностей, преследующих цели, указанные в ст. 57, 58 УК РСФСР 1922 года и других (т. е. свержение советской власти), при царском или контрреволюционных правительствах, ведавших политическим розыском, охраной порядка и безопасности, либо в занятии в таких организациях или должностях ответственных, или секретных (агентурных) постов наказывалось по-революционному жестко. Субъектом подобной статьи было лицо, которое в дореволюционный период занимало ответственные или секретные посты в организациях политического сыска и охраны «старого режима» (дореволюционная полиция, жандармерия, охранные отделения), а в момент совершения преступления совершало действия, направленные на их восстановление или способствование таковому. Таким образом, подобная норма имела превентивно-репрессивный характер наказывая не только за реальные действия, но и потенциально опасный социальный статус в сочетании с минимальной активностью. Санкция статьи предусматривала лишение свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией или, при отягчающих обстоятельствах, высшую меру наказания – расстрел.

Процессуальная сторона дел по данным статьям была максимально упрощена. Основным доказательством служили документы, изобличающие службу в дореволюционных органах (послужные списки, свидетельства, показания свидетелей). Применялся принцип «презумпции виновности» в отношении «классово-враждебных» элементов: бремя доказывания отсутствия умысла на «восстановление» ложилось на обвиняемого, что было крайне затруднительно.

Важную роль играла деятельность органов ГПУ-ОГПУ, которые вели оперативный учет бывших служащих. Пик применения карательных статей пришелся на первую половину 1920-х годов, в период активной «советизации» госаппарата и борьбы с остатками белогвардейских организаций. Однако нормы не утратили значения и позднее. Они использовались как основа для репрессий в ходе кампаний конца 1920-х – начала 1930-х гг. («чистка» партии, операции против «бывших людей»). Во многом данные статьи выполняли не только карательную, но и символическую функцию: они юридически закрепляли историческую правоту победившего класса и абсолютную нелегитимность дореволюционных институтов власти.

Актуальность данного исследования состоит в том, что оно проливает свет в вопросах квалификации круга лиц, подпадавших под действие статей. Формально она касалась тех, кто после установления советской власти участвовал в восстановлении старых институтов. В случае с В.В. Макеевым он обвинялся в жестоком подавлении революционных выступлений в Ростове-на-Дону. Интересно, что под действие статьи попадали не только бывшие руководители и агенты, но и рядовые чины, если их служба была связана с политическим сыском или подавлением революционных выступлений.

В современной научной литературе процесс над В.В. Макеевым практически не освещен. Упоминал о данном судебном процессе в своей работе про политическую элиту Дона известный историк С.А. Кислицын. Исследователь отметил, что известные политические деятели Дона Бутягин и Толмачёв «проявили себя как политически ангажированные обвинители» [4, с. 240] во время судебного разбирательства. К настоящему времени ученые в ряде работ проанализировали организацию и проведение судебных политических процессов на территории различных регионов СССР в 1920-е гг. [5–10]. В современной научной литературе также был освещен вопрос, посвященный анализу судебной системы Советского Союза в 1920-х гг. и толкованию права. В рамках современных научных исследований проведен анализ судебной системы Советского Союза 1920-х гг. и рассмотрены вопросы толкования права [11–17].

---

[1] *Руководящие начала по уголовному праву РСФСР.* Постановление Народного комиссариата юстиции от 12.12.1919. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (дата обращения: 27.12.2025).

[2] *О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»).* Постановление ВЦИК от 01.06.1922. URL: https://docs.cntd.ru/document/901757375 (дата обращения: 27.12.2025).

Цель настоящего исследования – проанализировать неопубликованные архивные документы и выявить особенности проведения судебного политического процесса над В.В. Макеевым, который проходил в Ростове-на-Дону с 28 по 31 декабря 1925 г.

Для решения данной цели необходимо разрешить следующие задачи: во-первых, концептуализировать классовую теорию права и выявить влияние марксистских представлений на уголовное судопроизводство; во-вторых, провести анализ судебного процесса над В.В. Макеевым; в-третьих, оценить процесс с точки зрения действовавших на тот момент нормативных правовых актов, влияние политической идеологии на судебную систему.

Материалы и методы. Источниковую базу настоящего исследования составили архивные документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Именно в нем хранится фонд Северо-Кавказского отделения комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (далее – Истпарт), который выступил одним из организаторов судебного процесса над В.В. Макеевым. Анализ указанных ранее источников позволил нам выявить особенности данного судебного процесса, в ходе проведения которого обвинения со стороны региональных властей расходились с юридической теорией. Помимо этого, были проанализированы различные нормативные правовые акты, разработанные советскими органами власти и членами правящей Коммунистической партии и регулирующие уголовно-процессуальные отношения в СССР в 1920-х гг.: Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, партийно-государственные акты, посвященные проведению судебных процессов в Советском Союзе.

В процессе написания настоящего исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы, в частности, сравнительно-исторический, историко-правовой, философско-правовой, формально-юридический (догматический) и метод контент-анализа. Применение метода контент-анализа при работе с делопроизводственными материалами, хранящимися в архиве, позволило сделать вывод о том, что власти Северо-Кавказского края РСФСР с самого начала планировали устроить судебный политический процесс, по итогам проведения которого В.В. Макеев должен был получить обвинительный приговор. Помимо этого, были изучены концепции историков и юристов, что позволило авторам настоящего исследования, опираясь на собственный опыт, выдвинуть ряд новых тезисов. Опираясь на методологический инструментарий современной юриспруденции, в русле подходов, предлагаемых современными исследователями, правовое значение судебных процессов 1920-х гг. рассмотрено сквозь призму социального конструктивизма и антропоцентризма. Использование сравнительно-исторического метода позволило сравнить суд над Макеевым с другими политическими процессами, проходившими в раннесоветскую эпоху. Применение историко-правового метода позволило понять причины начала судебного процесса над Макеевым, проанализировать его ход и итоги. Благодаря использованию формально-юридического (догматического) метода авторам удалось проанализировать советское законодательство 1920-х гг.

Результаты исследования. Процесс над В.В. Макеевым проходил с 28 по 31 декабря 1925 г. в клубе Главных мастерских Владикавказской железной дороги города Ростова-на-Дону и был приурочен к 20-летнему юбилею вооруженного восстания рабочих в декабре 1905 г. Изначально процесс над Макеевым должен был начаться 15 ноября 1925 г., но по требованию прокурора И.К. Налбандова он был отложен [18, л. 3] на конец декабря того же года. За это время следователи Северо-Кавказского краевого суда вместе с И.К. Налбандовым изучили дела Донского царского охранного отделения за 1905 и 1906 гг., что позволило им более подробно ознакомиться с событиями, связанными с революционным движением в Ростове-на-Дону в тот период, и с ролью Макеева при подавлении восстания рабочих в декабре 1905 г. Сам процесс привлек колоссальное внимание со стороны рабочих Главных мастерских по причине того, что некоторые из них принимали активное участие в тех событиях.

На момент начала суда Макееву было 73 года. Он родился [19, с. 245] в 1852 г. в станице Митякинской Донецкого округа Земли Войска Донского в семье простого казака. После окончания Новочеркасской классической гимназии Макеев из-за отсутствия финансовых средств добровольно поступил на военную службу и начал обучение в Новочеркасском казачьем юнкерском училище. После окончания училища Макеев в составе полка отправился на русско-турецкую войну, но из-за заключения Сан-Стефанского перемирия в начале 1878 г. не принял участия в боевых действиях и вернулся обратно в Новочеркасск. В дальнейшем он проходил службу на территории Области Войска Донского. Макеев прошел путь от адъютанта в управлении Области Войска Донского до окружного воинского начальника и руководителя Ростовской воинской команды. Именно в этом звании Макеев встретил Первую русскую революцию 1905 г. В 1916 г. Макеев вышел в отставку [18, л. 39] и стал проживать в станице Каменской. После начала Февральской революции он был арестован жителями станицы и отправлен в тюрьму из-за своего строгого отношения к ним во время исполнения обязанностей Донецкого окружного атамана. Приезд в станицу прокурора привел к тому, что Макеев был отправлен в Новочеркасск. Сам Макеев во время суда отметил [18, л. 40], что донской атаман не считал его виновным. После получения письма прокурора донской атаман освободил Макеева, который с этого времени стал проживать в Новочеркасске и заниматься

https://lawandorder-donstu.ru

домашними делами. После прихода к власти большевиков и начала Гражданской войны положение Макеева резко ухудшилось. Он продолжал получать пенсию от правительства Всевеликого Войска Донского и А.И. Деникина, но в 1918 г. устроился [18, л. 41] на работу делопроизводителем в общество «Якорь». Это было связано с тем, что в стране резко выросла инфляция. При этом Макеев не принимал никакого участия в Гражданской войне. После установления в Новочеркасске советской власти в начале 1920 г. Макеев перестал получать пенсию и жил у своей дочери, которая работала учителем в местной школе, фактически находясь на ее иждивении. Необходимо отметить, что Макеев не скрывался от советской власти. По его собственным признаниям [18, л. 41], сотрудники донской областной ЧК (Чрезвычайной комиссии) знали о том, где он проживает, но при этом не подвергали каким-либо репрессиям. С большой долей вероятности можно говорить о том, что политические репрессии в отношении Макеева были связаны с проведением в регионе юбилейных мероприятий, посвященных 20-летию Первой русской революции 1905 г. и восстания рабочих г. Ростова-на-Дону в том же году.

Судебный процесс над Макеевым начался с того, что прокурор И.К. Налбандов огласил суду список свидетелей (И.А. Лисицын, С.М. Касьяневский, Г.В. Черепахин, Д.А. Михальчук, И.В. Бровицкий), принимавших непосредственное участие в декабрьском восстании 1905 г. в Ростове-на-Дону. После оглашения ходатайства прокурора И.К. Налбандова о заслушивании Ю.П. Бутягина в качестве свидетеля, слово взял адвокат Ашман, попросивший председателя суда Петрова зачитать его заявление [интересно, что документы не содержат инициалов – имени и отчества защитника Ашмана, однако удалось установить, что защитник был известным в городе адвокатом и звали его Михаил Александрович, согласно городскому справочнику «Весь Ростов и Нахичевань [на Дону] в кармане: адресный и справочный указатель»[3], изданному в Ростове в 1925 г. – прим. А.А., О.А.]. После прочтения М.А. Ашман подверг критике прокурора за то, что тот не вызвал в качестве свидетелей революционеров С.М. Гурвича, М.С. Эпштейна и адвоката Городисского, защищавшего в 1909 г. Г.В. Черепахина. М.А. Ашман не согласился с позицией прокурора и настаивал на привлечении Гурвича и Городисского, считая, что Макеев имеет право на использование «средств легальной защиты» [18, л. 18]. В своем выступлении 28 декабря он обвинил прокурора в предвзятом отношении к Макееву. Судья Петров отказался вызывать дополнительных свидетелей. Фигура В.П. Петрова тоже довольно интересна, будучи председателем Северо-Кавказского краевого суда, большевиком с 1915 года, он начинал свою карьеру как председатель Губревтрибунала с 1922 года [20, л. 82]. И.К. Налбандов объяснил отказ от показаний С. Гурвича тем, что тот, несмотря на разрыв с меньшевиками, отказывался вступать в РКП(б) из-за «разногласий по некоторым вопросам» [18, л. 5]. Вероятно, нежелание использовать показания Гурвича было связано с тем, что он оставался политическим противником власти. Данный факт показывает нам то, что суд над Макеевым с самого начала шел с нарушением существовавших на тот момент юридических норм.

После этого суд начал допрашивать Макеева. Свой рассказ он начал с того, что 1 декабря 1905 г. получил приказ от наказного атамана Войска Донского Н.Н. Одоевского-Маслова принять на себя временно должность ростовского градоначальника и подавить планировавшееся на 13 декабря восстание местных рабочих, которые, по донесениям Донского охранного отделения, планировали использовать бомбы против правительственных войск. Макеев отмечал, что наказной атаман был недоволен его медлительностью. В самом начале восстания рабочие взяли ростовский железнодорожный вокзал. В ответ на это Макеев отдал приказ казакам освободить его. После артиллерийского обстрела казаки смогли занять 21 декабря вокзал, а также взяли столовую Главных мастерских. Макеев отдал приказ арестовать бежавших в Батайск и Нахичевань-на-Дону революционеров. Разгромив революционеров, Макеев 9 января был назначен [18, л. 28] окружным атаманом Донецкого округа, а новым ростовским градоначальником стал Д.В. Драчевский.

После данных показаний Макеева суд стал задавать ему дополнительные вопросы. Так, судья Петров задал Макееву вопрос [18, л. 30] о его участии в боевых действиях до событий революции 1905 г. и о том, понимал ли он значение революции. Макеев, отвечая на вопрос судьи, отмечал, что революция «несла смерть» [18, л. 30] ее участникам и тем, кто ее подавлял. Он отверг обвинения судьи в том, что его подчиненные во время подавления беспорядков убивали и насиловали мирных граждан. После этого прокурор стал задавать ему вопрос об использовании Макеевым артиллерии при подавлении восстания [18, л. 46] и о том, знал ли он, что в столовой Главных мастерских при обстреле находились не только революционеры, но и обычные рабочие, в том числе и женщины. Макеев заявлял о том, что по предоставленным ему данным там находились только революционеры, а сам он исполнял возложенные на него обязанности в связи с тем, что являлся монархистом и давал присягу на верность царю. Помимо этого, И.К. Налбандов пытался [18, л. 59] выяснить у Макеева, взаимодействовал ли он с городскими отделениями монархических организаций, которые, по мнению прокурора, участвовали в организации еврейского погрома в городе в октябре 1905 г. Но Макеев дал отрицательный ответ. Фактически, прокурор пытался

[3] *Весь Ростов и Нахичевань [на Дону] в кармане: адресный и справочный указатель.* Ростов-на-Дону: Советский Юг; 1925. С. 281.

обвинить Макеева в том, что он являлся одним из организаторов еврейского погрома, который произошел в Ростове-на-Дону в октябре 1905 г. Помимо этого, он пытался обвинить Макеева в том, что он выдавал спиртные напитки казакам во время подавления восстания [21, л. 112].

Одновременно с И.К. Налбандовым вопросы Макееву стал задавать профессиональный революционер, советский государственный и партийный деятель, заведующий Северо-Кавказским краевым Истпартом В.Н. Толмачёв, который выступал в судебном процессе в качестве общественного обвинителя. Толмачёв задавал подсудимому вопрос [21, л. 24] о том, с какими предложениями он выступил на встрече с депутатами городской думы г. Ростова-на-Дону 12 декабря 1905 г., то есть перед началом вооруженного восстания рабочих. Сам Макеев ответил, что подобной встречи он никогда не проводил. При этом Толмачёв во время допроса пытался обвинить Макеева в том, что подчиненные ему казаки при подавлении восстания пьянствовали и занимались грабежом местного населения. Подобные обвинения были отвергнуты подсудимым. Фактически, представители власти и правящей Коммунистической партии пытались обвинить Макеева в том, что его подчиненные не просто уничтожали вооруженных революционеров, но также под действием алкоголя проявляли жестокость в отношении мирных граждан, что являлось обстоятельством, отягчающим уголовное наказание. Подобные обвинения представители власти при этом доказать так и не смогли.

Далее председатель суда дал слово для допроса подсудимого адвокату М.А. Ашману. Он задал Макееву вопрос о том, почему именно его выбрали для подавления восстания наказной атаман Области Войска Донского, а не гражданских чиновников, являющихся по национальности немцами, и как казаки относились к последним. Макеев не смог ответить на этот вопрос. Второй вопрос М.А. Ашмана касался того, почему Макеева не назначили новым ростовским градоначальником. Отвечая на этот вопрос, подсудимый заявил, что в столице были недовольны его действиями при подавлении восстания. Необходимо отметить, что М.А. Ашман, проводя допрос, акцентировал внимание суда на том, что Макеев был бездарным командиром, который не сумел в короткие сроки подавить восстание рабочих и при этом знал от сотрудников Донского охранного отделения о том, что мятежников было слишком мало. Если бы он был более жестким военачальником, то сумел бы раздавить восстание за короткий срок. Помимо этого, М.А. Ашман призывал вспомнить Макеева о том, когда именно он был назначен временным градоначальником г. Ростова-на-Дону. Сам Макеев заявил суду о том, что он исполнял данные обязанности с 1 декабря 1905 г. по 9 января 1906 г., но адвокат обращал его внимание на то, что он получил данные полномочия лишь 11 декабря. Конечно, данный факт играл в пользу обвиняемого, но, к сожалению, Макеев продолжал утверждать о том, что исполнял обязанности градоначальника 1 декабря. Также М.А. Ашман просил привести доказательства его показаний, в которых Макеев заявил о том, что после подавления восстания арестами восставших занимался уже не он, а новый градоначальник Драчевский. Помимо этого, М.А. Ашман во время допроса Макеева обращал внимание суда на то, что подсудимый никак не причастен к еврейскому погрому, который произошел в Ростове-на-Дону в октябре 1905 г., а также не занимался спаиванием казаков во время подавления восстания и не участвовал в расстрелах жителей города.

Но дальнейшее выступление М.А. Ашмана прервал прокурор И.К. Налбандов. Он обратил внимание суда на то, что адвокат, пользуясь слабой памятью Макеева, пытался корректировать его показания. Прокурор протестовал против того, чтобы М.А. Ашман оглашал документы охранного отделения для корректировки показаний, и отмечал, что Макеев может самостоятельно отвечать на вопросы. Но защитник отверг данное требование прокурора, отмечая, что и он пользовался данными документами при допросе. Сам И.К. Налбандов критически относился к М.А. Ашману. Об этом свидетельствует статья И.К. Налбандова, написанная после суда над Макеевым. В ней он назвал М.А. Ашмана «типичным представителем «нашей» [18, л. 4] советской адвокатуры, к которой в полной мере приложимо: «А скажи-ка, гадина, сколько тебе дадено» [18, л. 4]. И.К. Налбандов отметил, что за данный процесс М.А. Ашман получил вознаграждение [18, л. 4] в размере 500 руб. Фактически, данная цитата свидетельствует о том, что адвокат М.А. Ашман начинал свою адвокатскую деятельность еще до Февральской революции и, несмотря на произошедшие в стране политические изменения, продолжал отстаивать в полной мере интересы своего подзащитного, что не могло не привести к конфликту с прокурором, представляющим интересы правящей Коммунистической партии и являющимся ее членом.

В ответ на начавшуюся полемику между прокурором и адвокатом, председатель суда В.П. Петров объявил о том, что документы Донского охранного отделения могут быть использованы при допросе обеими сторонами. Далее М.А. Ашман выяснил у подсудимого информацию о том, что артиллерийской стрельбой по столовой, где располагались мятежники, руководили сотрудники жандармерии, а не сам Макеев. Защищая своего подопечного, М.А. Ашман пытался выставить его марионеткой местного охранного отделения, которое имело настоящую власть в городе. Последний вопрос, который задал адвокат Макееву, касался его образования и того, какие газеты

https://lawandorder-donstu.ru

и журналы он читал. При ответе на данный вопрос Макеев отмечал, что он во время своей службы читал консервативную газету «Новое время», редактором которой в то время был монархист А.С. Суворин. Ашман полагал, что ответы Макеева должны были показать всем, что он получил традиционное для военного образование и был воспитан в духе верности царю и Отечеству.

Но Северо-Кавказский краевой суд, для получения более полной картины, решил назначить дополнительную экспертизу для подтверждения вины Макеева. В рамках этого были приглашены новые эксперты, которые являлись непосредственными современниками событий Первой русской революции. Именно их суд заслушивал следующие два дня процесса (29–30 декабря 1925 г.). Первым выступил Ю.П. Бутягин, выступивший в декабре 1905 г. одним из руководителей восстания в Ростове-на-Дону. Он рассказал суду историю вооруженного восстания в Ростове-на-Дону в декабре 1905 г. и обратил внимание суда на то, что Макеев был одним из немногих военных, который согласился подавить мятеж ради своего дальнейшего карьерного роста и использовал шрапнель. Свидетель подверг критике и действия меньшевика Гурвича, руководившего ростовским Советом рабочих депутатов, который выступал противником вооруженного восстания. Помимо этого, Бутягин отметил, что после подавления восстания «тюрьмы были настолько переполнены, что некуда было помещать арестованных» [21, л. 192], а со слов очевидцев он знал, что некоторые рабочие немедленно подверглись расстрелу со стороны казаков. При этом Бутягин обратил внимание суда на то, что он, будучи на месте Макеева, смог бы подавить восстание примерно за час, а не за неделю. Сам Бутягин был знаком с военным делом, так как во время Гражданской войны возглавлял корпус Красной Армии. Оправдывал подобную медлительность властей в 1905 г. он тем, что находившиеся под командованием Макеева отдельные воинские части отказывались участвовать в подавлении восстания.

Следующим был заслушан в качестве свидетеля И.А. Лисицын. Он рассказал суду о том, что казаки при подавлении восстания подвергали рабочих избиениям по приказу Макеева. Также Лисицын указал на то, что Макеев обвинял революционеров в том, что именно они убивали мирных жителей города, хотя на самом деле это делали казаки и то, что спаивали солдат. Бывшие меньшевики С.М. Касьяневский, Д.А. Михальчук и И.В. Бровицкий повторили все то же самое, что до этого рассказал Лисицын. Следующим свидетелем выступил известный большевик с дореволюционным партийным стажем, заместитель председателя Северо-Кавказского краевого отделения Международной организации помощи революционерам Г.В. Черепахин. Он обвинил Макеева в том, что подчиненные ему воинские части в октябре 1905 г. открыли огонь на поражение по демонстрации рабочих и молодежи, организованной местными социал-демократами после выхода манифеста императора Николая II об усовершенствовании государственного порядка[4]. Демонстранты пытались помешать местным националистам совершить еврейский погром. Фактически, Черепахин обвинил Макеева в том, что он был одним из организаторов еврейского погрома в г. Ростове-на-Дону. Подтвердил Черепахин и показания предыдущих свидетелей, обвинивших Макеева в жестокости при подавлении восстания. Свидетель рассказал суду [20, л. 287] о том, что Макеев действовал жестко из-за того, что хотел стать генералом, а также не считал рабочих за людей. Но сам Макеев категорически отверг обвинение Черепахина в организации еврейского погрома, отмечая, что на момент его совершения его даже не было в Ростове-на-Дону [21, л. 311]. Фактически, показания свидетелей показывают, что обвинения против Макеева были заранее придуманы по приказу региональных властей.

Руководствуясь статьей 303 УПК РСФСР, председатель Северо-Кавказского суда В.П. Петров, после заслушивания участников процесса, объявил судебное следствие законченным. Следующее заседание суда, состоявшееся 31 декабря 1925 года, было последним. Именно на нем суд должен был вынести В.В. Макееву окончательный приговор. Перед вынесением приговора, в рамках статьи 304 УПК РСФСР, суд должен был выслушать «прения сторон»[5] – выступления общественного обвинителя, прокурора и адвоката. Так, с речью перед судом выступил общественный обвинитель В.Н. Толмачёв. В своем выступлении он отметил, что судебный процесс над В.В. Макеевым имеет «историческое значение» [22, л. 1]. Часть своего выступления он посвятил истории возникновения революционного движения в Ростове-на-Дону, а затем остановился на революционных событиях, происходивших в городе в конце 1905 года. Толмачёв обвинил Макеева в чрезмерной жестокости во время подавления декабрьского восстания в Ростове-на-Дону. Он полагал, что причиной жестких действий полковника во время этих событий было стремление Макеева к карьерному росту. Ссылаясь на показания самого Макеева во время судебного процесса, Толмачёв в качестве второй причины [22, л. 28] его жестокости называл его верность монархическому строю. Именно поэтому Толмачёв просил суд приговорить Макеева к высшей мере наказания – расстрелу, поскольку рабочий класс продолжал вести борьбу за свои права против сторонников «старого мира» [22, л. 22]. Подобная жестокость

[4] *Об усовершенствовании государственного порядка*. Высочайший манифест от 17.10.1905. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/ (дата обращения: 27.12.2025).
[5] *Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»)*. Постановление ВЦИК от 15.02.1923. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551#pbxWiEVoUXdGmGz8 (дата обращения: 27.12.2025).

в оценке Макеева со стороны Толмачёва была связана с тем, что он был представителем партийно-государственного аппарата, относившегося к «бывшим людям» как к врагам существующего строя.

После выступления Толмачёва председатель суда дал слово государственному обвинителю, прокурору И.К. Налбандову. Свою речь прокурор начал с того, что большевики, несмотря на завершение Гражданской войны в России, продолжали вести борьбу с противниками власти в лице Белого движения и «настоящий суд есть продолжение этой борьбы» [21, л. 345]. Он утверждал, что такие представители бывшей власти, как, например, великий князь Николай Николаевич младший и А.Г. Шкуро, мечтают разгромить большевиков и вернуться обратно в страну в качестве правителей. По его мнению, это заставляет советскую власть вести с ними войну на уничтожение. Он заявил, что подсудимый Макеев был не просто «техническим исполнителем» [21, л. 346] приказов царской власти, но и возглавлял ряд организаций, координировал работу карательных органов Российской империи (охранное отделение и жандармерия) в Ростове-на-Дону в конце 1905 г., а также подвергал репрессиям тех сотрудников правопорядка, которые отказывались исполнять его распоряжения. Прокурор обращал внимание суда на то, что сам Макеев проявлял жестокость по отношению к восставшим и даже после передачи полномочий Д.В. Драчевскому требовал от него физической ликвидации мятежников. Сам И.К. Налбандов понимал, что на момент заседания Макеев является безобидным пожилым человеком, но при этом он утверждал, что в случае мировой революции, в ходе которой советская власть установилась бы во всех развитых капиталистических государствах Запада, обвиняемого бы никто не судил. Но в существующей реальности, в которой коммунисты находились у власти только в Советском Союзе, Макеев должен находиться на скамье подсудимых и понести жесткое наказание за свои прежние деяния. Фактически, И.К. Налбандов обращал внимание суда на то, что Макеев является потенциальным представителем «пятой колонны», которая ненавидит существующий политический режим и ждет помощи извне. Также прокурор заявил, что Макеев до сих пор является убежденным монархистом, не кающимся в своих прошлых грехах и готовым исполнять распоряжения царя в случае реставрации старого порядка. Но самое страшное его преступление заключается в том, что Макеев дал приказ стрелять по восставшим в декабре 1905 г. Все это свидетельствует «о наличии состава преступления, предусмотренного 67 ст.» [21, л. 350]. Свою речь прокурор закончил тем, что Макеев может быть признан виновным в рамках данной статьи и к нему можно применить наказание, предусмотренное статьей 8 УК РСФСР, и настаивал на применении к нему высшей меры наказания – расстрела. Фактически, И.К. Налбандов осуществлял уголовное преследование Макеева с точки зрения классового подхода, на основе которого в то время осуществлялось правосудие.

Далее слово было предоставлено адвокату М.А. Ашману. В самом начале своей речи он заявил суду о том, что место Макеева не на скамье подсудимых, а в музее Революции, где он мог бы выступить живым свидетелем об истории революционного движения начала XX в. М.А. Ашман обращал внимание суда на то, что Макеев родился в 1852 г., когда большинство населения Российской империи (речь идет о рабочих и крестьянах) считали «за скотов» [21, л. 355] и вследствие его воспитания в духе почитания царя, самодержавия он смотрел на мир, как представитель правящего сословия. При этом сам Макеев в сравнении с белогвардейскими военачальниками А.И. Деникиным, П.Н. Врангелем, Н.Н. Юденичем был «мальчишкой и щенком» [21, л. 355] и его преступление не является настолько тяжелым на фоне событий Гражданской войны. Понимая, что данный судебный процесс является историческим и политическим, М.А. Ашман заявлял о том, что с юридической точки зрения Макеева судить нельзя. Он отметил, что в декабре 1905 г. многие представители рабочего класса не поддерживали революцию, а сами революционеры были меньшинством. При этом М.А. Ашман раскритиковал прокурора Налбандова и заявил, что, расстреляв Макеева, советская власть не сможет напугать своих противников, находящихся в Европе. Он обратил внимание и на то, что чекисты не подвергали Макеева каким-либо репрессиям, так как понимали, что тот не представляет никакой опасности для советской власти. Расправа над стариком в целях устрашения политических противников режима, на взгляд Ашмана, нарушает существующие юридические нормы. Сам М.А. Ашман обращал внимание и на то, что свидетель С.М. Касьяневский был таким же противником большевиков, а в 1920 г. отрекся от партии меньшевиков. В качестве другого примера он привел известного революционера, лидера партии эсеров Б.В. Савинкова, который совершал преступления против императорского режима в начале XX в., а после боролся с большевиками, но несмотря на это его в 1925 г. в ходе судебного процесса приговорили к тюремному заключению. Сами свидетели, по мнению Ашмана, были непосредственными участниками революционных событий XX в., которые не могли дать объективных показаний из-за своей принадлежности к рядам революционеров. Перейдя к Макееву, адвокат заявил суду о том, что его подзащитный был «изрядной бездарностью» [21, л. 363], а прокурор заявлял о том, что он был жестоким и циничным человеком. Свою позицию адвокат аргументировал тем, что Макеев целую неделю не мог подавить восстание, в котором участвовало небольшое количество человек, в том числе из-за боязни больших жертв, и привел цитату свидетеля Ю.П. Бутягина, который заявил, что он бы смог подавить такое восстание за 1 час и отмечавшим, что в руководстве Области Войска Донского

в декабре 1905 г. была «расхлябанность» [21, л. 364]. К тому же сам Макеев не мог отвечать за преступления, совершаемые донскими казаками при подавлении восстания. Ашман считал настоящим виновником существовавший в начале XX в. политический режим, а не его «крошечного Макеева» [21, л. 379]. В конце своей речи он просил суд о снисхождении к В.В. Макееву с учетом того, что у него были признаки старческого слабоумия.

После прений председатель суда Петров предоставил подсудимому последнее слово. В своем последнем слове Макеев, рыдая, просил суд о помиловании, апеллируя к тому, что он является «стариком никуда не годным» [23, л. 401], а также приносил прощение у советских граждан за совершенное им преступление, объясняя его тем, что в 1905 г. он был человеком «военным» [23, л. 401], дававшим присягу на верность императору Николаю II. Он отвергал обвинения суда в том, что он занимался рукоприкладством по отношению к своим подчиненным и скрывался от советской власти после разгрома белых.

31 декабря 1925 г. суд вынес приговор В.В. Макееву. На основании статьи 67 «с карательной санкцией по первой части 58 статьи УК» [18, л. 414–415] РСФСР и руководствуясь ее статьями 9, 24, 25, а также статьей 319 УПК РСФСР, он был признан виновным в совершении преступления и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Но с учетом давности совершения преступления и смягчающего вину обстоятельства – преклонного возраста, суд заменил расстрел и приговорил его к 5 годам лишения свободы с конфискацией принадлежащего ему имущества и «поражением в правах» [18, л. 415] на 5 лет после выхода из заключения. Фактически, судьи проявили определенную снисходительность к Макееву, заменив казнь на тюремное заключение, но с учетом его преклонного возраста подобное наказание было равносильно смертному приговору.

Обсуждение и заключение. С 28 по 31 декабря 1925 г. в Ростове-на-Дону проходил судебный политический процесс над В.В. Макеевым, который в декабре 1905 – январе 1906 гг. занимал должность временно исполняющего обязанности ростовского градоначальника и принимал активное участие в подавлении декабрьского вооруженного восстания, устроенного рабочими Главных мастерских Владикавказской железной дороги. Судебный процесс был приурочен к 20-летию вооруженного восстания ростовских рабочих и носил показательный характер. Макеева судили на основании нарушения статьи 67 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей уголовное наказание для лиц, занимавших государственные должности в период правления династии Романовых и участвовавших в «борьбе против рабочего класса и революционного движения». Применение в отношении бывших полицейских, жандармов и чиновников царского режима характеризовалось расширительным и часто произвольным толкованием состава преступления, упрощенным порядком доказывания и прямой зависимостью от текущей политической конъюнктуры. Норма служила не столько для наказания за конкретные действия, сколько для легализации репрессий по признаку социального происхождения и прошлой деятельности, выполняя функцию социальной «зачистки» и символического утверждения нового правопорядка. Эволюция ее применения отражает общую тенденцию становления советской правовой системы, где уголовное право стало инструментом проведения масштабной социальной инженерии. Пятилетнее наказание В.В. Макеева становится примером идеологического влияния новых властей в отношении политической проработки прошлого. С формально-юридической точки зрения процесс полностью соответствовал советскому уголовному законодательству, но в реальности подсудимый не имел никаких шансов на получение оправдательного приговора, так как суд контролировался государственно-партийными структурами, для которых Макеев был «классовым врагом». В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о судебных политических процессах 1920-х гг., однако о процессе над Макеевым неизвестно практически ничего из-за неиспользования архивных документов. В связи с этим привлечение региональных архивных документов позволило увидеть особенности данных судебных политических процессов и понять причины их возбуждения.

Список литературы / References

1. Стучка П.И. Мой путь и мои ошибки. *Советское государство и революция права*. 1931;(5–6):67–97.

Stuchka PI. My Way and My Mistakes. *The Soviet State and the Revolution of Law*. 1931;(5–6):67–97. (In Russ.)

2. Богатырев Г.Т. *Становление доктрины советского права (1917–1930 гг.).* Дис. канд. юрид. наук. Москва; 2024. 232 с.

Bogatyrev GT. *The Formation of the Doctrine of Soviet Law (1917–1930).* Cand.Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2024. 232 p. (In Russ.)

3. Пашуканис Е.Б. *Общая теория права и марксизм.* Москва: Издательство Коммунистической академии; 1927. 160 с.

Pashukanis EB. *General Theory of Law and Marxism*. Moscow: Communist Academy Publ.; 1927. 160 p. (In Russ.)

4. Кислицын С.А. *Красная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин и деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов*. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом; 2022. 511 с.

Kislitsyn SA. *The Red Fronde under the Axe of the NKVD. Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin and the Leaders of the Azov-Black Sea Region in the Political Repressions of the Second Half of the 1930s*. Rostov-on-Don: Donskoy Publ.; 2022. 511 p. (In Russ.)

5. Красильников С.А. *Советские судебные политические процессы в 1920–1930-е гг.: причины, организация, последствия.* Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ; 2014. 299 с.

Krasilnikov SA. *Soviet Political Trials of the 1920s – 1930s: Causes, Organization, Consequences.* Novosibirsk: NSU Editorial and Publishing Center; 2014. 299 p. (In Russ.)

6. Рожнева Ж.А. *Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг.* Дис. канд. ист. наук. Томск; 2003. 226 с.

Rozhneva ZhA. *Political Trials in Western Siberia in the 1920s–1930s.* Cand.Sci. (History) Dissertation. Tomsk; 2003. 226 p. (In Russ.)

7. Соседов Е.А. Проблемы эволюции карательной политики государства в период становления нэпа: на примере Тамбовской губернии. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2011;(7):199–204.

Sosedov EA. Problems of Evolution of State Punishment Policy during NEP: On Example of Tambov Province. *Tambov University Review. Series: Humanities.* 2011;(7):199–204. (In Russ.)

8. Упоров И.В., Шеуджен Н.А. Судебные отношения в Советской России (1920-е годы): политико-идеологическая доктрина большевиков и организационно-правовые решения (часть 1). *Общество и право.* 2024;(2):82–87.

Uporov IV, Sheudzhen NA. Judicial Relations in Soviet Russia (1920s): Political-Ideological Doctrine of the Bolsheviks and Organizational and Legal Decisions (Part 1). *Society and Law.* 2024;(2):82–87. (In Russ.)

9. Упоров И.В., Швец А.А., Шеуджен Н.А. Судебные отношения в советской России (1920-е годы): политико-идеологическая доктрина большевиков и организационно-правовые решения (часть 2). *Право и практика.* 2024;(2):25–30. https://doi.org/10.24412/2411-2275-2024-1-25-30

Uporov IV, Shvets AA, Sheudzhen NA. Judicial Relations in Soviet Russia (1920s): Political-Ideological Doctrine of the Bolsheviks and Organizational and Legal Decisions (Part 2). *Law and Practice.* 2024;(2):25–30. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2411-2275-2024-1-25-30

10. Дзидзоев А.Д. Становление советской судебной системы. *Вестник Владикавказского научного центра.* 2008;(4):41–46.

Dzidzoev AD. Formation of the Soviet Judicial System. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra (Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center).* 2008;(4):41–46. (In Russ.)

11. Колесняк Е.В. *Правовая система советского государства в период НЭПа: историко-правовое исследование.* Дис. канд. юрид. наук. Краснодар; 2009. 220 с.

Kolesnyak EV. *The Legal System of the Soviet State during NEP Period: a Historical and Legal Study.* Cand.Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar; 2009. 220 p. (In Russ.)

12. Колесняк Е.В. Судебная система как составная часть правовой системы Советского государства в 1920-е годы. *Вестник Самарского юридического института.* 2010;(1):80–85.

Kolesnyak EV. The Judicial System as an Integral Part of the Legal System of the Soviet State in the 1920s. *Bulletin of Samara Law Institute.* 2010;(1):80–85. (In Russ.)

13. Солоницын П.С. Принципы советского пенитенциарного права (1920-е годы). *Вестник Самарского юридического института.* 2024;(1(57)):69–74.

Solonitsyn PS. Principles of Soviet Penal Law (1920s). *Bulletin of the Samara Law Institute.* 2024;(1(57)):69–74. (In Russ.)

14. Диденко М.С. Место революционного правосознания в системе источников права советского государства (1917–1928 гг.). *Северо-Кавказский юридический вестник.* 2022;(4):41–46.

Didenko MS. The Place of Revolutionary Legal Consciousness in the System of Sources of Law of the Soviet State (1917–1928). *North Caucasus Legal Vestnik.* 2022;(4):41–46. (In Russ.)

15. Микуленок Ю.А. Способы толкования права в Советской России в 1920-е гг. *Теория и практика общественного развития.* 2025;(10(210)):254–259.

Mikulenok JuA. Methods of Interpreting Law in Soviet Russia in the 1920s. *Theory and Practice of Social Development.* 2025;(10(210)):254–259. (In Russ.)

16. Окунева М.О. Классовый подход в советском праве (1917–1927). *Вестник Московского университета. Серия 11. Право.* 2017;(5):74–82.

Okuneva MO. Class Approach in Soviet Law (1917–1927). *Moscow University Bulletin. Series 11. Law.* 2017;(5):74–82. (In Russ.)

17. Никулин В.В. Концептуальные основы советской модели правосудия и практика ее реализации. *Право: история и современность.* 2017;(1):38–53.

Nikulin V.V. Conceptual foundations of the Soviet model of justice and the practice of its implementation. *Law: History and Modernity*. 2017;(1):38–53. (In Russ.)

18. *Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО)*. Ф. 12. Оп. 1. Д. 325.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 12. Inventory No 1. File No 325. (In Russ.)

19. Скорик А.П. *Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции*. Новочеркасск: Лик; 2015. 1184 с.

Skorik AP. *The Milutin Cossack Yurt: An Experience of Historical Reconstruction*. Novocherkassk: Lik Publ.; 2015. 1184 p. (In Russ.)

20. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 473.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 7. Inventory No 1. File No 473. (In Russ.)

21. *Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).* Ф. 12. Оп. 1. Д. 326.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 12. Inventory No 1. File No 326. (In Russ.)

22. *Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).* Ф. 12. Оп. 1. Д. 328.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 12. Inventory No 1. File No 328. (In Russ.)

23. *Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).* Ф. 12. Оп. 1. Д. 324.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 12. Inventory No 1. File No 324 (In Russ.)

Об авторах:

Андрей Анатольевич Аганов, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института сквозных технологий Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ORCID, aganoff.a@yandex.ru

Олег Александрович Елдинов, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Документоведение и языковая коммуникация» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ORCID, olegeldinov@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

А.А. Аганов: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

О.А. Елдинов: методология исследования (философско-правовые методы), обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: **авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Andrey A. Aganov, Cand.Sci. (History), Senior Lecturer of the Institute of End-to-End Technologies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, aganoff.a@yandex.ru

Oleg A. Eldinov, Cand.Sci. (History), Associate Professor of the Documentation Science and Language Communication Department (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, olegeldinov@yandex.ru

Claimed Contributorship:

AA Aganov: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

OA Eldinov: research methodology (philosophical and legal methods), review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: **the authors declare no conflict of interest.**

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 09.02.2026
Поступила после рецензирования / Reviewed 02.03.2026
Принята к публикации / Accepted 11.03.2026